Номинализация и проблема непрямого доступа*

“Толкование лексемы,— пишет Е.В.Падучева в предисловии к “Динамическим моделям в семантике лексики” (Падучева 2004:7),— это своего рода структурная формула, наподобие структурной формулы в химии. Формула позволяет давать ответ на многообразные вопросы. Как слово будет реагировать на контекст? Какие семантические компоненты оно готово, под влиянием контекста, включить в свой состав? Какие собственные компонентный отбросить? Какими разными сторонами эта семантическая структура может “поворачиваться” к говорящим — так, что одни компоненты уходят в тень, а другие выступают на свет, актуализируются, попадают в фокус внимания?” В настоящей статье мы хотели бы затронуть одну частную проблему, непосредственно связанную с предложенной Е.В.Падучевой программой построения динамического словаря,— *проблему непрямого доступа*, впервые, насколько нам известно, эксплицитно сформулированную А.Дзукки (Zucchi 1999, см. также Kratzer 2003).

Эта проблема состоит в том, что будучи единицами словаря, лексемы и, в частности, глагольные лексемы, недоступны для непосредственного наблюдения. То, что мы наблюдаем,— это лексемы в употреблении, когда они представлены конкретными словоформами в составе предложений, а значение глагола при этом находится под слоем семантической структуры, которая возникает параллельно с синтаксической. Непосредственно не наблюдаемы и семантические свойства, например, глагольной группы: глагольная группа создается глаголом и его аргументами, но в ее состав не входят доминирующие над ней синтаксические вершины (в частности, те, которые заполняются словоизменительными морфемами), каждая из которых вносит собственный вклад в интерпретацию целой клаузы. Постоянная опасность, которая подстерегает исследователя благодаря проблеме непрямого доступа,— приписать глаголу и/или глагольной группе те характеристики, которые в действительности им не присущи и которые возникают лишь в процессе синтаксической деривации. Найти способ избежать этой опасности — значит быть уверенным, что толкования глагольных лексем, “структурные формулы”, которые мы создаем, будут описательно и объяснительно адекватными.

В настоящей статье мы изложим два наблюдения о семантике русских отглагольных имен на *–ние*/*тие*, которые указывают, что проблема непрямого доступа имеет решающее влияние на анализ *декаузатива* и *аспектуальной композиции* в русском языке.

1. Аспектуальная композиция и декаузатив в составе клауз

В русском языке наблюдаются два явления, иллюстрируемые в (1)-(2):

(1) Вася написал письма.

(2) а. Вася углубил яму.
б. Яма углубилась.
в. *Яма углубила.

Предложение (1) показывает широко известный факт, связанный, как считается, с семантикой совершенного вида: интерпретация прямого дополнения ограничена таким образом, что именная группа *письма* вводит в рассмотрение конкретную совокупность писем, заданную в предшествующем контексте, и утверждается, что эта совокупность целиком задействована и описываемой ситуации. Вслед за Filip 2004 мы будем называть такую интерпретацию *уникальной максимальной интерпретацией*: ИГ обозначает уникальную совокупность, в которую входят все индивиды определенного класса, имеющиеся в пространстве дискурса. “Кванторный” элемент (‘совокупность целиком’) в значении (1) является обязательным: предложения типа (3), очевидно, содержат в себе противоречие.

(3) #Вчера Вася написал письма, но на сегодня осталось еще несколько.

Предложения (2а-в) показывают другой известный факт: в русском языке декаузативность морфологически маркируется. Подлежащему в непереходном предложении (2б) соот-

* Работа выполнена при поддержке Россиского фонда фундаментальных иследований (проект №05-06-80258а). Автор глубоко признателен А.Г.Пазельской и Е.А.Лютиковой за обсуждение и критику первона чальной версии этой статьи.

ветствует прямое дополнение в (2а); семантически (2б) отличается от (2а) отсутствием указаний на то, что изменение состояния пациенса произошло благодаря целенаправленной деятельности агенса[1]. Эти различия, как принято считать, связаны с присутствием возвратного постфикса *-ся*, одним из значений/функций которого является формальное маркирование декаузативности. Лабильных глаголов, которые допустимы и в декаузативной и в переходной клаузе, как показывает, в частности, (2в) для русского языка не характерны[2].

Явления, иллюстрируемые в (1)-(2), отличают русский язык от языков типа английского.

Во-первых, в отличие от русского языка (а также других славянских и, например, романских), в английском глаголы типа русского *углубить*, присоединение к которому показателя *-ся* дает декаузативную интерпретацию в (2б), являются лабильными[3]:

(4) a. John deepened the hole.
Джон углубил яму.
б. The hole deepened.
Яма углубилась.

Существуют весьма разнообразные способы анализировать клаузы, аналогичные тем, которые представлены в (4) (см. Hale, Keyser 1993, 2001, Pustejovski 1995 Wunderlich 1996, Kratzer 1996, Rappaport Hovav, Levin 1998, Harley 2001, Ramchand 2005 и многие другие работы). Большую популярность, в частности, в западной синтаксической и семантической литературе приобрела идея (по-разному реализованная в разных теориях), что лексически у глагола *deep* специфицирован только пациенс — актант, претерпевающий изменения при осуществлении ситуации, обозначаемого основой. Агенс же возникает в результате специального деривационного процесса. (По поводу того, где локализован этот процесс — в словаре или в синтаксисе — и, соответственно, кто отвечает за этот процесс — особая синтаксическая вершина или нулевая деривационная морфема,— разные теории расходятся.)

Для анализа русского декаузатива эта идея, на первый взгляд, не подходит. Сопоставив (2а) и (2б), мы обнаруживаем, что декаузатив является морфосинтаксически производным от переходного глагола, а значит, у глаголов типа *углубить* словарно заданы два актанта — агенс/каузатор и пациенс, а показатель *-ся* маркирует устранение первого из актантной структуры.

Во-вторых, оказывается, что аспектуальная композиция в английском языке, то есть то, как глагол взаимодействует со своими аргументами, устроена существенно по-другому, чем в русском:

(5) a. He wrote the letters in an hour || ??for an hour.
Он написал письма за два часа || ??два часа
b. He wrote letters *in an hour || OKfor an hour.
Он писал письма *за два часа|| OKдва часа.

Как видно из (5а-б), в отличие от русского языка, глагол в английском языке не накладывает никаких ограничений на интерпретацию прямого дополнения. Та интерпретация, которую имеет русское предложение (1), в английском языке представлена в (5а), в котором позицию прямого дополнения занимает определенная ИГ *the letters*. Однако в английском языке имеется и другая возможность, иллюстрируемая в (5б), когда прямое дополнение — это неопределенная множественная именная группа *letters*, обозначающая не конкретную совокупность писем, а составленное из писем гомогенное множество. Более того, в (5а-б) именно характеристики прямого дополнения влияют на интерпретацию глагольной груп-

---

[1] Здесь и далее мы опираемся на семантический анализ декаузативов, предложенных в Падучева 2001. Как показывает Е.В.Падучева, в структуре декаузативов отсутствует семантический компонент целенаправленной деятельности агенса, вызывающий изменение состояния пациенса, а присутствует лишь компонент неагентивной каузации, который при этом имеет статус не ассерции, а пресуппозиции.

[2] Это, по-видимому, верно для любых лабильных глаголов, а не только каузативно-декаузативных, как в (2) (которые часто называются также лабильными глаголами с сохранением пациенса, или Р-лабильными). А-лабиальные глаголы типа *тусовать*, которые могут создавать и переходные (*В этом клубе Вася тусовал своих приятелей*) и непереходные клаузы (*Вчера Вася тусовал в этом клубе*), крайне немногочисленны и к тому же, как кажется, являются лабильными не во всех идиолектах.

[3] Более распространенным термином, обозначающим это явление, является по-видимому, “каузативно-инхоативная альтернация” (causative-inchoative alternation).

пы и всего предложения:[4] (5а) с *the letters* является предельным, а (5б) с *letters* — непредельным, как видно из сочетания с обстоятельствами типа ‘два часа’ и ‘за два часа’.

В русской аспектологической традиции явления аспектуальной композиции остались почти не замеченными (см. Падучева 2004, где предлагается обзор релевантных явлений и намечается программа исследования). В западных семантических работах по славянскому глаголу (Krifka 1992, Picon 2001, Verkuyl 1999, Paslawska, von Stechow 2003, Filip 1993/1999, 2004, 2005a,b среди других) эта проблема является одной из центральных. Идея анализа славянской аспектуальной композиции, главное проявление которой мы наблюдаем в (1), очень проста, и ее разделяют практически все исследователи. Сравним (1) с (6):

(6) Вася писал письма.

(6) не обнаруживает того ограничения, которое мы видим в (1): речь может идти как о конкретной совокупности писем (“the letters”) с уникальной максимальной интерпретацией, так и о множестве с неспецифицированным количеством (“letters”) (в нулевом контексте такая интерпретация, по-видимому, является предпочтительной). Семантически глагол в (6) отличается от (1) совершенным видом, а мофрлогически — присутствием префикса *на-*. Вывод напрашивается: ответственность за уникальную максимальную интерпретацию прямого дополнения несет совершенный вид, и в той степени, в которой вид определяется наличием префикса, – семантикой этого префикса[5]. Так же, очевидно, объясняется и предельность предложений с *написать* (ср. *написал за два часа* || **два часа* и *написал два часа* || *#за два часа*)

В самом общем смысле в русском и в английском языке действует одна и та же закономерность: предложение является предельным, если и только если прямое дополнение имеет уникальную максимальную интерпретацию, как в (1) и (5а). Однако морфосинтаксическая реализацией этой закономерности существенно различается: в английском за предельность предложения отвечает прямое дополнение (с одним и тем же глаголом *the letters* вызывают предельность, а *letters* — непредельность), а в русском и в других славянских языках — глагол (если в предложении представлен префигированный глагол совершенного вида типа *написать*, то оно может быть только предельным, а прямое дополнение соответственно допускает только уникальную максимальную интерпретацию).

Итак, наблюдения над поведением русских глаголов в составе клауз позволяют сделать два обобщения:

(7) Глаголы типа *углубить*, которые имеют декаузативную пару с показателем *-ся*, являются лексически переходными.
(8) Префигированные глаголы совершенного вида типа *написать* накладывают ограничение на интерпретацию глагольных аргументов и делают глагол предельным.

Эти обобщения, однако, в общем случае неверны. Но увидеть этого невозможно, пока мы принимаем к рассмотрению исключительно поведение глагольных основ в составе клауз, и именно в этом дает о себе знать проблема непрямого доступа. Далее нам предстоит, во-первых, рассмотреть материал номинализаций, который невозможно объяснить, ес-

[4] В исследованиях по аспектуальной композиции до сих пор не решен вопрос, как следует сформулировать условие, при котором референциальные свойства именной группы вступают во взаимодействие с предельностью глагольной группы. Одни (в частности, Verkuyl 1993, 1999, Tenny 1994, van Hout 1996, Borer 2004) считают, что это происходит, если ИГ занимает позицию прямого дополнения. Действительно, в предложениях типа *Ося загрузил апельсины в бочки* и *Ося загрузил бочки апельсинами* уникальная максимальная интерпретация возникает именно у той ИГ, которая является прямым дополнением: важной оказывается синтаксическая позиция, а не семантическая роль. Другие исследователи (в первую очередь, Krifka 1989, 1992, 1998) настаивают, что релевантное условие — инкрементальное оношение между ситуацией и задействованным в ней индивидом, когда части ситуации и части индивида находятся во взаимнооднозначном соответствии. Действительно, в языках типа английского только у инкрементальных предикатов, таких как ‘писать письма’ в (5), свойства аргумента определяют предельность. У неинкрементальных предикатов, как, например, *push (the) carts* ‘толкать тележки’ свойства аргумента на предельность не влияют, хотя этот аргумент и является прямым дополнением, ср. *John pushed the carts for two hours*||**in two hours* и *John pushed carts for two hours*||**in two hours* — оба предложения являются непредельными. Окончательное решение этого вопроса мы оставляем на будущее.

[5] Не все, префиксы, конечно, делают уникальную максимальную интерпретацию обязательной. Этим свойством не обладают в так называемые внешние префиксы (Svenonius 2003, Ramchand 2004, DiScuillo, Slabakova 2005) — делимитативный префикс *по-*, инхоативный *за-* и пердуративный *про-*. Например, в предложении *Вася немного пописал письма*, очевидно, речь не идет об определенной совокупности писем, которая полностью исчерпана после осуществления описываемой ситуации.

ли (7)-(8) верны, а во-вторых — убедиться, что номинализации обеспечивают более прямой доступ к свойствам глагола и глагольной группы.

2. Декаузативность в отглагольных существительных

Русские отглагольные существительные на *-ние*/*-тие* исследованы если не исчерпывающие, то по крайней мере, весьма глубоко (см. Падучева 1977, 1984, 1991, 1997, 2001, а также приводимую там литературу; из недавних работ — Пазельская 2006). Известно, в частности, что они допускают как событийную, так и предметную интерпретации (ср. *углубление* 'увеличение глубины' и 'впадина'). Кроме того, как убедительно показала А.Г.Пазельская (Пазельская 2006), отглагольные имена типа *углубление*, производные от глаголов типа *углубить*, при событийном прочтении неоднозначны:

(9) углубление ямы

При одной интерпретации углубление представляет собой результат целенаправленных усилий агенса, и в этом случае номинализованная конструкция аналогична по семантике переходной клаузе в (2а). Как известно, у отглагольных имен на *-ние*, образованных от глаголов типа *углубить*, обязателен только второй (как правило, пациентивный) аргумент[6], а первый факультативно (хотя и с определенными ограничениями) выражается адъюнктом в творительном падеже. Кроме того, его присутствие можно обнаружить по агентивно-ориентированный обстоятельствам типа *намеренно* или *целенаправленно* и возможности контроля нулевого подлежащего в целевых адъюнктах. Примеры (10а-в) однозначно свидетельствуют, что агентивная интерпретация для (9) легко допускается.

(10) а. углубление ямы дорожными рабочими
б. углубление ямы с целью сделать дорогу непроходимой для боевиков
в. углубление ямы целенаправленно[7]

Имеется, однако, и вторая, декаузативная интерпретация, при которой углубление ямы происходит без целенаправленной деятельности агенса и без указания на каузацию. В этом случае отглагольное существительное семантически соответствует декаузативу с показателем *-ся*, представленному в (2б).

(11) Ученые с интересом наблюдают за постепенным углублением Марианской впадины, которое особенно ускорилось за последние пять лет.

Аналогично ведут себя в составе отглагольных имен и другие глагольные основы, от которых образуются декаузативные пары с показателем *-ся*. Извлеченные из корпуса примеры (12)-(13), в частности, иллюстрируют декаузативную и агентивную интерпретации существительного *наполнение*, соответствующего в одном случае глаголу *наполнять*, а в другом — *наполняться*:

(12) Недогруженный сухогруз теперь нельзя выводить из порта из-за нарушенной устойчивости, а другие компании отказываются догружать свое зерно — может не хватить на *наполнение своих сухогрузов*. <агентивная интерпретация >

(13) За последние годы геологами и гляциологами было открыто множество водоемов, образовавшихся вследствие прорыва естественных ледяных плотин или перелива та-

---

[6] Степень обязательности второго аргумента, называемого иногда *внутренним*, у отглагольных имен, по-видимому, подчиняется ограничению, которое сформулировали Б.Левин и М.Раппапорт Ховав (Rappaport Hovav, Levin 1998): если исходный глагол обладает событийной структурой свершений (accomplishments), или, что то же самое, относится к классу глаголов результата (result verbs), внутренний аргумент обязателен (ср. **Вася углубил* и #*углубление* — если второй аргумент отсутствует, имя не может иметь событийной интерпретации). Глаголы способа (manner verbs), обладающие событийной структурой деятельностей (activities), имеют факультативный внутренний аргумент, ср. (*Вася писал* и *писание* — имя допускает событийную интерпретацию и без внутреннего аргумента). О глаголах способа и результата см. также Кустова 2004: 48-49.

[7] Оценка приемлемости наречий в составе конструкций с отглагольным именем на –*ние* варьирует у разных носителей. В нашем диалекте русского (10в) является грамматически допустимым, хотя и стилистически неудачным. Заметим также, что русские корпуса дают достаточно примеров употребления наречий в составе номинализаций.

лых вод через их край, или бурного *наполнения рек влагой*, вырвавшейся из-под ледников. <декаузативная интерпретация>

Согласно обобщению, сформулированному в (7), в актантной структуре глаголов типа *углубить* и *наполнить* присутствуют два аргумента — агенс/каузатор и пациенс, и в свете этого агентивные употребления отглагольного существительного в (10) и (12) объяснимы и ожидаемы. Неожиданны и труднообъяснимы, однако, декаузативные употребления в (11) и (13)— куда, в самом деле, исчезает информация о наличии первого аргумента, которая, как мы предполагаем, задана лексически?

Попытки выйти из этого положения, сохранив обобщение (7) в неприкосновенности, приводят, как кажется, к довольно антиинтуитивным допущениям. Если основа *углуб-* — переходная, то очевидно, что случаи типа (11) и (13) — это не "залоговое преобразование" и не "диатетический сдвиг" (поскольку по определению и то и другое сохраняет колиество аргументов), а понижающая актантная деривация — такая же точно, как в (2б), где она маркируется показателем *-ся*. Однако если это так, то это весьма необычная для русского языка (да и с типологической точки зрения) понижающая актантная деривация — она не имеет никакого морфосинтаксического носителя, а дериват ничем морфологически не отличается от исходной основы.

Далее, если случаи типа (11) и (13) анализировать как декаузативную деривацию, мы теряем из виду самое важное наблюдение: с точки зрения каузативной и декаузативной интерпретации русские отглагольные имена ведут себя точно так же, как английские английские финитные клаузы в (4). Из этого наблюдения вытекает неизбежный вывод: глагольная основа в отглагольных именах является лабильной. Это означает, что обобщение (7) надо ограничить, сузив сферу его применения до клауз и изъяв из под его юрисдикции отглагольные существительные:

(14) В составе клауз глаголы типа *углубить* являются переходными и имеют декаузативную пару с показателем *-ся*. В составе конструкций с отглагольными именами глаголы типа *углубить* являются лабильными.

(14) как будто описывает все наблюдаемые факты, однако по сравнению с (7) в одном отношении мы сделали шаг назад: (14) не дает никакого ответа на главный вопрос — какая информация для глаголов типа *углубить* задана лексически. К ответу на этот вопрос мы вернемся вскоре — после того как увидим, что не только декаузативность, но и аспектуальная композиция у отглагольных имен устроена иначе, чем у клауз.

3. Аспектуальная композиция в отглагольных существительных

Как мы видели выше, префигированные глаголы совершенного вида делают обязательной уникальную максимальную интерпретацию второго аргумента, и в этом состоит обобщение (8). Однако рассмотрим (15):

(15) После написания писем я занялся чтением партитуры "Лоэнгрина", которую взял с собой.

Интуиция носителей русского языка, которым мы предъявляли этот и аналогичные примеры, совершенно отчетлива: предпочтительной интерпретацией ИГ *писем* является, как и в финитной клаузе в (1), уникальная максимальная, а предпочтительной интерпретацией выражение *написание писем* в целом — предельная. Предпочтительной, однако, в отличие от (1), не единственной.

Как показывает (3), эксплицитное указание на то, что существуют письма вне совокупности, задействованной в ситуации 'написать письма', вызывает противоречие. Применив этот же тест к отглагольным именам типа *написание*, мы обнаруживаем, что аналогичного противоречия не возникает:

(16) Написание писем продолжалось четыре часа, но закончить мы не успели — на завтра осталось еще с полсотни.

Более того, интуиция подсказывает, что ИГ *писем* в данном случае вовсе не обозначает максимальную индивидуированную совокупность ("the letters"), а лишь неопреде-

ленное множество с неспецифицированным количеством (“letters”). Кроме того, выражение *написание* писем в этом случае является непредельным[8].

Как и в случае с декаузативом, можно заметить, что в русских конструкциях с отглагольными именами аспектуальная композиция устроена иначе, чем в русских лаузах, зато точно так же, как в английских клаузах. Действительно, в (16) непредельная интерпретация предиката возникает бок о бок с неопределенной интерпретацией внутреннего аргумента, как это имеет место в (5б), а в (15) предельная интерпретация — с уникальной максимальной интерпретацией, как в (5а). Таким образом, обобщение (8) также нуждается в существенном уточнении:

(17) Если префигированный глагол совершенного вида типа *написать* употребляется в составе клаузы, это ведет к предельности глагольного предиката и к уникальной максимальной интерпретации у его аргументов. Если глагол употребляется в составе отглагольного имени, допускается как предельность, так и непредельность, а ограничения на интерпретацию аргументов отсутствуют.

Это важное различие в грамматическом поведении отглагольных имен и глаголов в составе клауз трудно объяснить, опираясь на допущения, что предельность и уникальная максимальная интерпретация связаны с совершенным видом. Если совершенный вид настаивает на этой интерпретации, то почему это происходит только тогда, когда глагольная группа, состоящая из глагола и второго аргумента, встроена в клаузу? И если совершенный вид предполагает предельность, то почему она делается необязательной для отглагольных имен? Как и в случае с декаузативной интерпретацией, мы можем предположить, что в составе номинализаций присутствует фонологически пустая морфема, которая отменяет все семантические эффекты, навязываемые совершенным видом. Однако и проблема с таким объяснение возникает аналогичная: показатель не имеет морфологического носителя, и производная структура оказывается формально неотличима от исходной.

Еще одно возможное объяснение особенностей аспектуальной композиции и выражения декаузативности у отглагольных имен могло бы состоять в том, что ни актантная структура, ни аспектуальные свойства у отглагольных имен и глаголов попросту не связаны друг с другом и приписываются независимо в словаре. При таком подходе мы не ожидаем, что свойства отглагольных имен должны соответствовать свойствам глагола, и проблемы, описанные выше, как будто снимаются. Однако, во-первых, такой анализ противоречит очевидной интуиции — предикаты, обозначаемые выражениями *написал письмо* и *написание письма*, содержат в своем экстенсионале одни и те же события, а именные группы имеют одну и ту же семантическую роль. Однако если их актантные структуры и аспектуальные свойства формально не связаны друг с другом, сделать эту интуицию явной невозможно. Во-вторых, как мы видели, свойства отглагольных имен в действительности отличаются от свойств глаголов в составе клауз отнюдь не произвольным образом.

Учитывая это, наилучшей представляется другая стратегия объяснения обсуждаемых выше фактов. Отглагольные имена не сложнее, а проще, чем клаузы. И те и другие имеют некоторую общую часть синтаксической и семантической структуры. Кроме нее, однако, клаузы имеют дополнительную структуру, которой лишены имена, и именно эта дополнительная структура создает различия, которые мы только что наблюдали. Соответственно, именно отглагольные имена дают нам более точную картину того, как устроены глагол и глагольная группа – их свойства закрыты для обозрения меньшим количеством семантических и синтаксических наслоений.

В следующем разделе мы сформулируем эту идею несколько более эксплицитно.

---

[8] Наиболее распространенная диагностика предельности, которая используется для клауз,— обстоятельства типа *за два часа* и *два часа* — для отглагольных имен применима только наполовину. Обстоятельства типа *за два часа* в составе номинаизаций маргинальны, но грамматичны, особенно в комбинации со шкальным показателем *всего* — ср. *наполнил ванну за пять минут* и *наполнение ванны (всего) за пять минут*. Однако обстоятельства типа *два часа* не применимы к отглагольным именам в принципе, ср. *пел два часа* и **пение два часа*. На помощь в этом случае может прийти другой тест на непредельность, предложенный в Verkuyl 1972,— критерий сочинения. Он состоит в том, что непредельные предикаты в контексте сочиненных обстоятельств времени могут обозначать единую ситуацию, осуществляющуюся без временных разрывов. Предложение *John ran at 2 p.m. and at 3 p.m* ‘Джон бежал/бегал в два часа и в три часа’ будет истинно, если Джон бегал, не прерываясь, в промежутке с двух до трех. (Для предельных предикатов с сочиненным обстоятельством времени такая интерпретация невозможна — они с необходимостью обозначают ровно две различные ситуации, ср. *John ran a mile at 2 p.m. and at 3 p.m* ‘Джон пробежал милю в два часа и в три часа’). В контекстах типа (16) *написание писем в два часа и в три часа* проходит тест на непредельность — когда “замеры”, сделанные в два часа и в три часа, показывают, что в обоих точках имеет место дна и та же ситуация.

4. Деривация отглагольных существительных

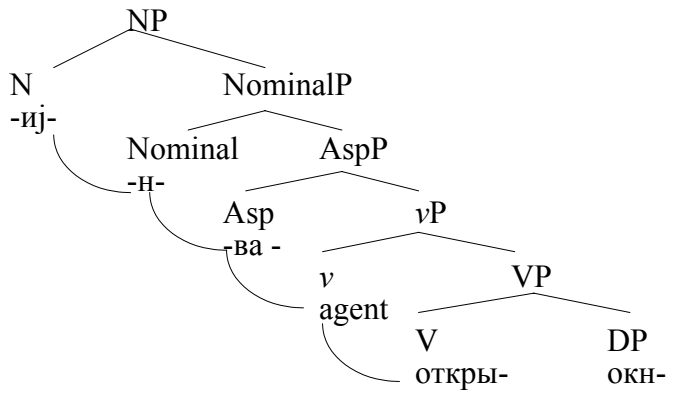
4.1. Отглагольное имя как синтаксический объект

В последние годы в западных работах по номинализации ведутся энергичные дискуссии о ее синтаксической структуре[9]. Строго лексикалистский подход к некоторым типам номинализаций, который, благодаря статье Chomsky 1970, долгое время господствовал в теоретической литературе, постепенно сменился представлением о том, что номинализации с событийной референцией и обязательным внутренним аргументом представляют собой продукт синтаксической деривации и содержат в своей структуре по меньшей мере глагольную группу. Кроме того, в литературе широко обсуждались данные, указывающие на присутствие в составе номинализаций целого ряда языков группы малого, или легкого глагола (*v*P), в которую вкладывается глагольная группа VP, а также, возможно, и доминирующих над *v*P функциональных проекций, в частности, аспектуальной проекции AspP (см. обзор различных подходов в Alexiadou 2004, а также литературу к этой статье). Существенно, однако, что в составе номинализаций присутствует лишь часть функциональной структуры, которая представлена в клаузе (например, почти ни в одном из обсуждавшихся в литературе языков номинализации не могут иметь подлежащее в номинативе или обладать собственной временной референцией, а значит, они лишены функциональной вершины T(tense)).

В Pazelskaya, Tatevosov 2005 мы обосновываем для русских отглагольных имен анализ, при котором именная морфология — показатель *-н/т*, общий для страдательных причастий и отглагольных существительных, а также собственно показатель существительного *ij* — присоединяется не непосредственно к глаголу, а к целой синтаксической составляющей. В русском языке имеется несколько составляющих, допускающих номинализацию: минимально это VP, состоящая из глагола и его второго аргумента, а максимально — проекция, которую мы обозначаем как *AspP*, которую, в частности, может возглавлять показатель вторичного имперфектива *-(ы)ва*[10]. Соответственно, структура конструкций типа *открывание окна* в (18) выглядит (с точностью до падежной морфологии)[11], как показано в (19):

(18) Открывание окна производится каждый час.

(19)



Как видно из (19), каждая из морфем, участвующих в образовании существительного *открывание* возглавляет собственную функциональную проекцию и соединяется с основой *откры-* посредством циклического передвижения сначала вершины V к вершине *v*, затем комплекса [$_v$ *v* V]— к вершине Asp и так далее (передвижения обозначены на схеме дугами).

---

[9] В этой дискуссии участвуют главным образом исследователи, работающие в генеративной парадигме. За невозможностью в пределах этой статьи перевести эту дискуссию на язык функционально-когнитивной лингвистики, ниже мы будем использовать некоторые понятия и единицы анализа, принятые среди генеративистов.

[10] Морфосинтаксический материал, который вводится после суффикса “вторичного имперфектива”, образует конструкции, не допускающие номинализации. В частности, не существует отглагольных имен от основ с внешними префиксами (см. Сноску 5) *по-* (делимитатив) и *на-* (аккумулятив), которые присоединяются “поверх” вторичного имперфектива. Ср. *открывал дверь — открывание двери* vs. *пооткррывал дверь (и бросил это дело, потому что замок намертво заклинило)* — **пооткрывание двери*, а также *наоткрывал дверей (и теперь по всему зданию гуляют сквозняки)* — **наоткрывание дверей*. В Pazelskaya, Tatevosov 2005 мы рассматриваем эти ограничения как свидетельство того, что проекция, вершиной которой является показатель *-ыва*,— это тот синтаксический максимум, который можно разместить внутри именных проекций.

[11] О механизме приписывания падежа второму аргументу см., например, Rappaport 2001.

4.2. Декаузатив

Если анализ в (19) верен, для объяснения того факта, что конструкции типа *наполнение ведра* допускают две интерпретации — агентивную и декаузативную — достаточно двух дополнительных допущений. Во-первых, так же, как в английском языке, лексически у основ типа *наполн-* задан лишь второй аргумент с семантической ролью пациенса. Роль агенса приписывается вершиной *v*, а соответствующая именная группа занимает позицию [Spec, *v*P], если создается клауза, и получает экзистенциальную интерпретацию (‘существует такой объект, что он является агенсом в ситуации, которую описывает VP’) в номинализациях (а также в “страдательных причастиях”, см. ниже). Во-вторых, номинализации в русском языке могут подвергаться как глагольные группы VP, так и группы малого глагола *v*P. При такой системе допущений две интерпретации конструкций типа *наполнение ведра* оказываются структурно, и, как следствие, семантически различны. Их синтаксический и семантический анализ представлен в (20)-(21):

(20) агентивная интерпретация
a. [... [$_{NP}$ -ий- [$_{NominalP}$ -н- [$_{vP}$ AGENT [$_{VP}$ наполн- ведр-]]]]]
b. λe∃s∃x[Agent(x)(e) ∧ наполн′(e) ∧ Patient(ведро′)(e) ∧ полн′(s) ∧ Arg(ведро′)(s) ∧ cause(s)(e)]

(21) декаузативная нтерпретация
a. [... [$_{NP}$ -ий- [$_{NominalP}$ -н- [$_{VP}$ наполн- ведр-]]]]
b. λe∃s[наполн′(e) ∧ Patient(x)(e) ∧ полн′(s) ∧ Arg(ведро′)(s) ∧ cause(s)(e)]

Синтаксически агентивная интерпретация отличается от декаузативной наличием вершины *v*, в которой помещается фонологически пустая морфема, сигнализирующая о наличии агенса в структуре ситуации.[12] Наличие этой морфемы определяет и семантическое различие между (20) и (21). В (20б) мы имеем множество событий, в которых наполнение, вызвавшее переход ведра в состояние ‘быть полным’, происходило с участием агенса. Событийный предикат в (21б) содержит в своем экстенсионале аналогичные события, но без указания на участие агенса. В обоих случаях, естественно, VP имеет одну и ту же семантику — семантику неагентивного изменения состояния. Поэтому, термин “декаузатив”, строго говоря, является не вполне адекватным: безагентивная структура в (21) образуется не *от* каузативной структуры, а *до* каузативной структуры.

Сильной стороной анализа в (20)-(21), помимо всего прочего, является то, что он правильно предсказывает диапазон интерпретаций страдательных причастий типа *наполнен*. Поскольку эти причастия имеют с отглагольными именами общий показатель *-н/т-* (*наполнение* — *наполнен*, *открытие* — *открыт*), который, по нашей гипотезе, возглавляет специальную проекцию NominalP, естественно предположить, что синтаксический материал, над которым непосредственно доминирует этот показатель, у причастий и отглагольных имен один и тот же. Из этого следует, что причастия должны демонстрировать такую же неоднозначность, как и отглагольные имена. Это действительно так: выражение *ведро наполнено* может описывать состояние ‘быть полным’, возникшее как в результате целенаправленных усилий агенса, так и без них. Например, высказывание *Ведро наполнено до краев* вполне применимо к ведру, в которое налилась дождевая вода, потому что его случайно не занесли в дом (ср. обсуждение материала англйских причастий в Kratzer 2003). Именно такой набор возможностей и предсказывает наш анализ.

Такой взгляд на декаузатив — когда он устроен семантически и синтаксически проще, чем каузатив, а лексически у глагола специфицирован только внутренний аргумент,— как мы уже отметили, присущ целому ряду теоретических подходов, в частности, теории лексического синтаксиса (Hale, Keyser 1993 и Ramchand 2003, 2005). В этой теории примерно такой анализ (если не брать в расчет технических деталей) получает каузативно-

[12] Технически мы анализируем эту морфему как предикат над событиями λe∃x.Agent(x)(e), то есть как множество таких событий, в которых имеется агенс. В составе номинализаций, таким образом, допускается только “дефектный” (Alexiadou 2001) легкий глагол, предполагающий экзистенциальную интерпретацию агентивного участника ситуации. Этим номинализации отличаются от полноценных клауз, в которых вершина *v* заполняется двухместным отношением между индивидами и событиями λxλe.Agent(x)(e) (Kratzer 1996), то есть содержит открытую аргументную позицию. Заметим также, что агенс — это лишь одна из возможностей заполнения вершины *v*. Другая — неагентивный каузатор, как в предложениях типа *Порыв ветра открыл окн*о или имя с событийной интерпретацией *Постоянные войны истощили казну* (пример Е.В.Падучевой из Падучева 2001).

инхоативная альтернация в английском и аналогичных языках. Эту же интуицию, очевидно, отражает и идея Е.В.Падучевой о том, что декаузатив является семантически непроизводным, более простым членом каузативно-декаузативной пары.

Наш анализ номинализаций в (20)-(21) эксплицитно утверждает, что английский и русский языки до некоторого уровня синтаксической деривации — по крайней мере, до уровня *v*P — устроены абсолютно одинаково: и там и там у глагольных основ типа *углуб-* и *наполн-* задан только второй аргумент; и там и там VP описывают только изменение состояния этого аргумента, то есть имеют декаузативную интерпретацию, и там и там появление первого аргумента и, соответственно, агентивная интерпретация связаны с проекцией *v*P, вершина которой содержит информацию о наличии агенса.

Различие между русским и английским, а также между номинализациями и клаузами внутри русского языка возникают на более поздних этапах синтаксической деривации — когда создается система функциональных проекций над *v*P, которые в русском языке не могут оказаться внутри номинализаций. Именно этот морфосинтаксический материал, по-видимому, и несет ответственность за то, это предложения типа *Яма углубила* (‘яма углубилась’) или *Ведро наполнило* (‘ведро наполнилось’) в русском языке невозможны. Интуиция подсказывает, что перед глагольной группой [$_{VP}$ наполн- ведр-], если она желает не сделаться частью номинализации, а продолжить свое существование в качестве клаузы, открываются две возможности. Во-первых, присоединить показатель декаузатива *-ся* и создать клаузу с единственным аргументом. Во-вторых, внедрить в создаваемую структуру внешний аргумент и сделаться переходной клаузой.

Техническая реализация этой интуиции требует полного и исчерпывающего анализа структуры клаузы в русском языке и, в частности, анализа того, какую позицию в этой структуре занимает грамматическая морфема *-ся.* Такой анализ мы в данный момент не готовы предложить,[13] однако общая его идея могла бы состоять в следующем. В составе клаузы существует вершина, заполняемая показателем *-ся*. Селективные свойства этой вершины требуют присутствия в структуре клаузы проекции VP, а не *v*P. Предложение *Ведро наполнилось*, в частности, обладает конфигурацией, представленной в (22а). Если, далее, верно, что в каузативно-декаузативных парах типа *наполнить-наполниться*, отсутствие *-ся* является значимым, то в переходной клаузе в этой же позиции находится фонологически пустая морфема (назовем ее $\varnothing_{TR}$), которая требует наличия *v*P с полноценным агенсом (или каузатором). Соответственно, предложение типа *Вася наполнил ведро* содержит в себе структуру в (22б).[14]

(22) а. [… [$_{FP}$ –ся [… [$_{VP}$ наполн- ведр-]]]]
б. [… [$_{FP}$ $\varnothing_{TR}$ [… [$_{vP}$ Вася [$_{v'}$ AGENT [$_{VP}$ наполн- ведр-]]]]]]

Если (22) верно, то гипотеза о том, что у основ глаголов результата типа *углуб-*, *наполн-* и им подобных лексически не специфицирован первый аргумент, дает нам дополнительные преимущества в объяснении того, почему именно эти основы образуют декаузатив на *-ся*, в отличие, скажем от основ глаголов способа типа *писать*, *копать* или *подметать*. Согласно обобщению Е.В.Падучевой (2001), декаузатив допускают глаголы, которые обозначают ситуации, могущие развертываться без целенаправленной деятельности

[13] В существующей литературе обсуждалось несколько возможностей, которые можно использовать при построении желаемого анализа. С одной стороны, следуя направлению, заданному в Baker et al. 1990, декаузативное *-ся* можно анализировать как морфему, заполняющую вершину *v*. С другой стороны, С.Харвс (Harves 2002) резервирует эту позицию для пассивного *-ся*, а декаузативное *–ся* предлагает рассматривать как функциональную вершину, доминирующую над VP. Вершина *v* в декаузативных структурах в ее анализе не создается вовсе. Наконец, можно даже предположить, что при образовании декаузатива *–ся* заполняет аргументную позицию — такое предположение по крайней мере соответствует нашим знаниям о диахроническом развитии этой бывшей возвратной клитики (см., впрочем, Pereltsvaig 2005, где приводится сумма аргументов против такого анализа).

[14] Подчеркнем, что структуры в (22) являются лишь первым приближением к желаемом анализу. Очевидная проблема с (22) состоит в том, что здесь не учитывается дистрибуция так называемых неаккузативных глаголов. Актантная структура таких глаголов, согласно гипотезе о неаккузативности, содержит единственный аргумент, соответствующий второму аргументу переходного глагола, то есть является идентичной актантной структуре глаголов типа *углуб-* и *наполн-,* у которых, как мы пытались показать, лексически специфицирован только второй аргумент. Следовательно, можно ожидать, что неаккузативные глаголы должны создавать клаузы типа (22а), то есть присоединять показатель *-ся*. Действительно, для большинства глаголов существования и возникновения, которые в Harves 2002:155 квалифицированы как неаккузативные глаголы *par exellence (появиться, случиться, оказаться* и т.п.) показатель *-ся* обязателен. Однако есть и довольно многочисленные неаккузативы, для которых он невозможен, например, *существовать*. Решение этой проблемы мы оставляем на будущее.

агенса. В нашей системе это будут именно те глаголы, у которых словарно не задан первый аргумент. С одной стороны, раз аргумент создается в синтаксисе, глагол не может накладывать на него семантические ограничения, и в переходной клаузе в сооветствующей позиции может оказываться как агенс, так и неодушевленный каузатор или имя с событийной интерпретацией. С другой стороны, отсутствие первого аргумента в актантной структуре открывает возможность вовсе не создавать соответствующую позицию, то есть создает возможность для образования декаузатива.

У глаголов типа *писать*, *копать* или *подметать* информация о первом аргументе задана лексически — это может быть только агентивная ИГ, обозначающая индивид, способный к целенаправленной деятельности. Это, в частности, подтверждается тем, что происходит, если в позиции первого аргумента оказываются неодушевленные ИГ типа *письмо*. Естественная реакция носителей языка на предложения типа *Письмо само написалось*, *Огород сам вскопался* и *Пол сам подмелся* — "такое бывает в сказках": на подлежащее в этих случаях наводится агентивная интерпретация, обусловленная лексическими ограничениями, и оно осмысливается как индивид, осуществляющий целенаправленную деятельность и контролирующий развитие ситуации. Соответственно, глаголы такого типа не могут не создавать *v*P — в противном случае их словарно заданый первый аргумент не будет синтаксически реализован,— а значит, они возможны в переходных сруктурах типа (22б), но не в декаузативных структурах типа (22а). Таким образом, замеченная Е.В.Падучевой корреляция между ролевой подвижностью первого аргумента и возможностью образовать декаузатив получает объяснение.

Подведем итог. Допущение о том, что у основ типа *наполн-* лексически задан только второй аргумент, пациенс, а первый создается в синтаксисе, позволяет получить эффективное и простое объяснение того, почему у отглагольных существительных типа *наполнение* допускается две интерпретации — агентивная и декаузативная. Это же допущение предполагает, что на определенных стадиях синтаксической деривации языки типа русского и типа английского устроены абсолютно одинаково — что, как кажется, также можно рассматривать как желательный результат. Но главный эмпирический итог настоящего раздела состоит в том, что увидеть эти факты мы смогли только благодаря номинализациям, где, как мы предположили, представлено меньше синтаксической (а значит, и семантической) структуры, чем в финитных клаузах.

4.3. Аспектуальная композиция

Примерно такую же линию аргументации, как для декаузатива, мы предлагаем и для объяснения особенностей аспектуальной композиции в номинализациях. Информация о том, что зависимыми префигированных основ совершенного вид могут быть только ИГ с уникальной максимальной интерпретацией, содержится в синтаксической вершине, которая обязательная в клаузах. Однако номинализация в русском языке возможна до того, как эта вершина вступает в игру.

В Pazelskaya, Tatevosov 2005 мы анализируем номинализации типа *написание писем* как показано в (24):

(24) [... [$_{NP}$ -ий- [$_{NominalP}$ -н- [$_{vP}$ AGENT [$_{VP}$ написа- [$_{DP}$ письм-]]]]]

В (24) глагольная группа (VP) состоит из вершины, которую заполняет глагольная основа *написа-*, и зависимой от нее именной группы *письм-*. В Pazelskaya, Tatevosov 2005 мы обосновываем, что особенностью префигированных основ типа *написа-* является эксплицитное указание на результирующее состояние, которого достигает внутренний аргумент. (Этим префигированные основы отличаются от непрефигированных; результирующее состояние – это семантический вклад префикса в интерпретацию основы. Префигированые основы, таким образом, имеют событийную структуру класса свершений (accomplishments), см. Dowty 1979, Rappaport Hovav, Levin 1998, Rothstein 2004 среди многих других). Семантическое представление основы *написа-* показано в (25):

(25) $\lambda y \lambda x \lambda s \lambda e$ [Agent(x)(e) $\wedge$ писа′(e) $\wedge$ Patient(y)(e) $\wedge$ cause(s)(e) $\wedge$ написан′(s) $\wedge$ Arg (y)(s)]

Именная группа *письма* допускает две интерпретации, представленные в (26):

(26) a. $\lambda R_{<e,<s,t>>} \lambda e \exists y$[письма′(y) $\wedge$ R(y)(e)]
b. σy.письма′(y)

В первой интерпретации (26а) именная группа имеет логический тип обобщенного квантора <<e, <s,t>>, <s,t>> (см. Picon 2001) и обозначает функцию из двухместных отношений между индивидами и событиями в одноместные событийные предикаты. (26а) соответствует неопределенно-множественному прочтению именной группы, при котором индивидная переменная связна квантором существования (‘существуют такие письма, что VP’’). Вторая интерпретация (26б), при которой именная группа имеет индивидный тип *e*, получается применением оператора σ (Link 1983), который отображает одноместный предикат над индивидами в максимальный индивид, состоящий из всех элементов экстенсионала этого предиката. (26б) соответствует уникальной максимальной интерпретации ИГ, которая обсуждалась выше.

Результатом семантической деривации отглагольного имени в (24) для этих двух случаев являются событийные предикаты в (27) (промежуточные шаги деривации для краткости опустим, см. Pazelskaya, Tatevosov 2005):

(27) а. $\lambda e \exists x \exists y \exists s[\text{Agent}(x)(e) \wedge \text{письма}'(y) \wedge \text{писать}'(e) \wedge \text{Patient}(y)(e) \wedge \text{cause}(s)(e) \wedge \text{написан}'(s) \wedge \text{Arg}(y)(s)]$

б. $\lambda e \exists x \exists s[\text{Agent}(x)(e) \wedge \text{писать}'(e) \wedge \text{Patient}(\sigma y.\text{письма}'(y))(e) \wedge \text{cause}(s)(e) \wedge \text{написан}'(s) \wedge \text{Arg}(\sigma y.\text{письма}'(y))(s)]$

Рассмотрим эти предикаты с точки зрения свойства *неподразделимости*, или *квантованности*. (Предикат обладает свойством квантованности, если никакой элемент его экстенсионала не является собственной частью никакого другого элемента. Например, предикат *спать* не является квантованным, поскольку если верно, что некоторый индивид спал с 8 вечера до 8 утра, то верно и то, что он спал с полуночи до часу ночи. Предикат *растаять*, напротив, является квантованным: если он описывает событие, которое началось в 8 вечера и закончилось в 8 утра, то происходившее между полуночью и часом ночи нельзя описать как *растаял*. Квантованность, таким образом, является эквивалентом предельности, см. Krifka 1989, 1992.) Нетрудно увидеть, что предикат в (27б) является квантованным, а в (27а) – не является.

Действительно, если *e* — это событие ‘писать’, в котором максимальный индивид, состоящий из всех писем, представленных в текущем контексте, был задействован в качестве пациенса, а затем вошел в результирующее состоянии ‘быть написанным’, то никакая собственная часть этого события не охватывает этот индивид целиком (а охватывает лишь некоторую его часть), а значит, не входит в экстенсионал предиката. Предикат в (27б), таким образом, является квантованным. В (27а) если *e* — это событие, такое что существуют письма, которые в ходе этого события были написаны и достигли результирующего состояния ‘быть написанным’, то для *e′*, собственной части *e*, также найдутся письма, которые были написаны в ходе *e’* и достигли своего результирующего состояния. (Естественно, письма, написанные в ходе *e’*, представляют собой собственную часть писем, написанных в ходе *e*.) Таким образом, и *e* и *e’* являются элементами экстенсионала предиката в (26а), а значит сам предикат является неквантованным, то есть непредельным.

Существенным результатом этого анализа является то, что наличие префикса, задающего результирующее состояние в семантическом представлении основы, не гарантирует предельности предиката. Предельность, напротив, определяется интерпретацией ИГ: ИГ с неопределенно-множественной интерпретацией, как в (26а), создают непредельные предикаты, а ИГ с уникальной максимальной интерпретацией (см. (26б)) создают предельные предикаты. Этот анализ, таким образом, правильно предсказывает диапазон интерпретаций, который мы наблюдали у отглагольных имен в (15)-(16). Более того, этот анализ эксплицитно показывает, что на уровне *v*P, где происходит создание отглагольного имени в случаях типа *написание писем,* аспектуальная композиция в русском и английском языках устроена абсолютно одинаково – предельность предиката определяется характеристиками инкрементального аргумента.

Что касается клауз, то наша гипотеза состоит в следующем. Как отмечено выше (см. (19)), над *v*P доминирует функциональная проекция AspP, в которой располагается показатель вторичного имперфектива *–ыва-*. Кроме него, однако, эту позицию может заполнять и другой материал, в частности, фонологически пустая морфема $\varnothing_{qua}$, которая требует, чтобы событийный предикат, обозначаемый *v*P, вложенной в AspP, был квантованным:

(28) $\| \text{-ыва-} \| = \lambda P \lambda e \exists e'[P(e') \wedge e < e']$
$\| \varnothing_{qua} \| = \lambda P \lambda e[P(e) \wedge \text{QUA}(P)]$

Показатели *–ыва-* и $\varnothing_{qua}$, таким образом, образуют оппозицию, в которой морфологически маркированным членом является вторичный имперфектив. Для *v*P, построенных с использованием префигированных основ, соответственно, есть два пути: либо присоединить вторичный имперфектив (если это не блокируется индивидуальным морфологическими свойствами основы, ср. **написывать*), либо морфему $\varnothing_{qua.}$

В первом случае при присоединении *–ыва-*, которое мы, следуя, в частности, идеям Э.Баха (Bach 1986) анализируем как партитивный оператор на событиях, любому событию из экстенсионала предиката ставится в соответствие совокупность его собственных частей, и тем самым, любой событийный предикат делается неквантованным.

В последнем случае, если $\varnothing_{qua}$ применяется к неквантованному предикату P, создается новый предикат, обозначающий пустое множество событий — поскольку P не удовлетворяет условию QUA(P). Если же P является квантованным, $\varnothing_{qua}$ выступает в качестве отношения эквивалентности, поскольку событийный предикат, который образуется после его применения, имеет в экстенсионале те и только те события, которые входили в экстенсионал исходного предиката. Таким образом, $\varnothing_{qua}$ представляет собой фильтр, который отсекает от дальнейшей деривации неквантованные предикаты. Именно благодаря $\varnothing_{qua}$, неквантованный предикат в (27a), в котором ИГ *письма* имеет неопределенно-множественную интерпретацию, невозможен в составе клаузы.

Логика такой системы устроена, как кажется, интуитивно правдоподобно: предикаты класса свершений (accomplishments) должны быть квантованными, если не указано иное. Если такой предикат, обозначаемый *v*P, желает быть в составе клаузы неквантованным (=непредельным), ему следует обозначить это явным образом, присоединив морфему *–ыва*. В противном случае он поступает в распоряжение морфемы $\varnothing_{qua,}$ которая выдает лицензию на дальнейшую семантическую деривацию только квантованным предикатам. Семантический эффект, который создает вершина AspP, таким образом, состоит в том, чтобы устранить аспектуальную неоднозначность, которая сохраняется к этой стадии деривации.

Отличие русского языка от английского и ему подобных связно с тем, на каком этапе деривации минимизируется аспектуальная неоднозначность. Благодаря артиклям, в английском языке это происходит уже на уровне именных групп — во всяком случае, никакие ИГ не допускают и неопределенно-множественную и уникальную максимальную интерпретации одновременно. Как следствие, благодаря принципам аспектуальной композиции, аспектуально однозначны оказываются и VP и составляющие более высокого уровня. В русском языке неоднозначность на уровне DP не разрешается – это происходит на уровне AspP. Оба языка, однако, сходятся в том, что аспектуальная неоднозначность должна быть минимальна — клауз, допускающих и предельное и непредельное прочтения, в русском языке нет вовсе (если не считать ограниченного количества так называемых двувидовых глаголов), а в английском они ограничены небольшим числом градативов типа ‘расширять(ся)’ (см. Hey et al. 1999).

Таким образом, как и в случае с декаузативом, номинализации позволяют нам увидеть истинную картину того, что происходит на ранних стадиях синтаксическое деривации — на уровне VP и *v*P, когда функциональная структура, присутствующая в клаузах, еще не построена.

Вернемся к проблеме непрямого доступа. Материал русских отглагольных существительных, обсуждавшийся выше,— это лишь часть свидетельств в пользу того, что дистанция между глаголом как единицей словаря и глаголом в составе клаузы несколько больше, чем мы привыкли считать (дополнительные примеры см., в частности, в Татевосов 2006). Единственный способ сократить эту дистанцию — избавиться, насколько это возможно, от всего, что наслаивается при построении предикации поверх глагольной лексемы. Если нам удалось убедить читателя, во-первых, в теоретической серьезности проблемы непрямого доступа, а во-вторых,— в том, что перспективным способом ее решения является исследование свойств «недопредикаций» и, в частности, номинализаций, то задача этой статьи выполнена.

Литература

Кустова Г.И. (2004). *Типы производных значений и механизмы языкового расширения.* М., 2004.

Падучева Е.В. (1991). Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте. // *НТИ*, сер. 2, 1991, № 5, 21-28, 31.

Падучева Е.В. (2001). Каузативнй глагол и декаузатив в русском языке. *Русский язык в научном освещении*, №1, 2001, 52-79.

Падучева Е.В. (2004). *Динамические модели в семантике лексики.* М., 2004.

Падучева Е. В. (1977). О производных диатезах отпредикатных имён в русском языке. // *Проблемы лингвистической типологии и структуры языка*. М., 1977, 84-107.

Падучева Е. В. (1984). Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени. // *Проблемы структурной лингвистики*, М., 1984, 50-66.
Пазельская А.Г. (2006). *Наследование глагольных категорий именами ситуаций.* Кандидатская диссертация. МГУ им. М.В.Ломоносова, филологический факультет.
Татевосов С.Г. (2006). Аспектуальная композиция в предикациях с неполной структурой. Доклад на Международной конференции к 100-летию со дня рождения А.А.Холодовича. СПб.
Chomsky, N. (1970). Remarks on nominalization. In R. Jacobs, P.Rosenbaum (eds.) *Readings in English Tranformational Grammar.* Waltcham: Ginn.
Alexiadou, A. (2001). *Functional Structure in Nominals.* Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.
Alexiadou, A. (2004). Argument structure in nominals. Ms., Universität Stuttgart.
Bach, E. (1986). The algebra of Events. *Linguistics and Philosophy* 9: 5-16.
Baker, M., K. Johnson, and I. Roberts (1990). Passive Arguments Raised. *Linguistic Inquiry* 20, 219-252.
Di Sciullo, A. M., and R. Slabakova (2005). Quantification and Aspect. In H.Verkuyl, H. de Swart, and A. van Hout (eds.) *Perspectives on Aspect*. Dordrecht: Springer, 61-80.
Dowty, D.R. (1979). *Word meaning and Montague grammar. The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht: Reidel.
Filip, H. (1993). *Aspect, Situation Types and Nominal Reference*. Ph.D. dissertation, University of California at Berkeley.
Filip, H. (1999). *Aspect, eventuality types and noun phrase semantics.* New York, London: Garland Publishing.
Filip, H. (2005a). On accumulating and having it all. In H.Verkuyl, H. de Swart, and A. van Hout (eds.) *Perspectives on Aspect*. Dordrecht: Springer.
Filip, H. (2005b). The Telicity Parameter Revisited. In *Semantics and Linguistic Theory (SALT) XIV*. Ithaca: CLC Publications, Department of Linguistics, Cornell University.
Hale, K. and S.J.Keyser (1993). On argument structure and the lexical expression of syntactic relations. In K. Hale and S.J. Keyser (eds.) *The view from building 20*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 53-110.
Hale, K. and S.J.Keyser (2002). *Prolegomena to a Theory of Argument Structure*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
Harves, S. (2002). *Unaccusative Syntax in Russian.* Ph.D. Dissertation, Princeton University.
Hay, J., Ch. Kennedy, and B. Levin (1999). Scalar Structure Underlies Telicity in Degree Achievements. In T. Matthews, and D. Strolovitch (eds.) *SALT IX*. Ithaca: CLC Publications, 127-144.
Hout, A. van. (1996). *Event Semantics of Verb Frame Alternations: A Case Study of Dutch and its Acquisition*, Ph.D. Dissertation, Department of Linguistics, Tilburg University.
Kratzer, A. (1996). Severing the External Argument from its Verb. In J.Rooryck and L.Zaring (eds.) *Phrase Structure and the Lexicon*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 109-137.
Kratzer, A. (2003). *The event argument and the semantics of verbs.* Ms. UMass-Amherst.
Krifka, M. (1989). Nominal Reference, Temporal Constitution and Quantification in Event Semantics. In R. Bartsch, J.van Benthem, and P.van Emde Boas (eds.) *Semantics and Contextual Expression.* Dordrecht: Foris Publications, 75–115.
Krifka, M. (1992). Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution. In I.Sag and A.Szabolsci (eds.) *Lexical matters.* Stanford: CSLI, 29-53.
Krifka, M. (1998). The origins of telicity. In S. Rothstein (ed.) *Events and Grammar*. Dordrecht: Kluwer, 197-235.
Link, G. (1983). The Logical Analysis of Plurals and Mass Terms. In R.Bauerle, Ch.Schwarze and A.von Stechow (eds.) *Meaning, Use, and Interpretation of Language.* Berlin: De Gruyter, 302-323.
Paslawska, A. and A. von Stechow. (2003). Perfect Readings in Russian. In M.Rathert, A. Alexiadou, and A. von Stechow (eds.) *Perfect Explorations*. Berlin: Mouton de Gruyter, 307-362.
Pazelskaya, A. and S.Tatevosov. (2005). Deverbal nouns, uninflected VPs, and aspectual architecture of Russian. Paper presented at FASL14, Princeton University.
Pereltsvaig, A. (2005). Small nominals. To appear in *Natural Language and Linguistic Theory* 24.
Piñon, Ch. (2001). A Problem of Aspectual Composition in Polish. In G.Zybatow, U.Junghanns, G.Mehlhorn, and L.Szucsich (eds.) *Current Issues in Formal Slavic Linguistics*. Frankfurt/Main: Lang, 397-415.
Pustejovski, J. (1995). *The Generative Lexicon*. Cambridge, Mass: MIT Press.
Ramchand, G. (2005). Aktionsart, L-syntax and Selection. In H.Verkuyl, H. de Swart, and A. van Hout (eds.) *Perspectives on Aspect*. Dordrecht: Springer,
Ramchand, G. (2003). First Phase Syntax. Ms., University of Oxford.
Rappaport Hovav, M. and B. Levin. (1998). Building verb meanings. In M. Butt and W. Geuder (eds.) *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*. Stanford: CSLI, 97–134.
Rappaport, G.C. (2001). The Geometry of the Polish Nominal Phrase: Problems, Progress, and Prospects. In P.Banski and A.Przepiórkowski (eds.) *Generative Linguistics in Poland: Syntax and Morphosyntax.* Warsaw: Polish Academy of Sciences, 173-89.
Rothstein, S. (2004). *Structuring events: a study in the semantics of lexical aspect*. Malden, MA: Blackwell Publishing.
Svenonius, Peter. (2003). Slavic (*idées*) Pre-*fixes*. Paper presented at FDSL-V, University of Leipzig.
Tenny, C. (1994). *Aspectual Roles and the Syntax-Semantics Interface.* Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
Verkuyl, H. J. (1972). *On the Compositional Nature of the Aspects.* Dordrecht: Reidel.
Verkuyl, H. J. (1993). *A Theory of Aspectuality. The Interaction between Temporal and Atemporal Structure*. [Cambridge Studies in Linguistics 64]. Cambridge: Cambridge University Press.
Verkuyl, H. J. (1999). *Aspectual Issues. Structuring Time and Quantity*. Stanford: CSLI Publications.
Zucchi, A. (1999). Incomplete events, intensionality and imperfective aspect. *Natural Language Semantics* 7: 179–215.